

Юлия До
Последний машинист

18+

Юлия До

Последний машинист

«Автор»

2026

До Ю.

Последний машинист / Ю. До — «Автор», 2026

Семь лет назад началась эпидемия. От вируса нет лекарства. Количество смертей растет с каждым днем. Люди не выдерживают. Фанатиков все больше. В провинции Корории, в городе Громор живет Ляля. В год Всеобщего Переименования эти названия казались шуткой. Со временем люди привыкли. Ляля — относительно известная художница и поэтесса. Она кормится талантом и богатым воображением. Которое оказалось слишком богатым.

© До Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Гусь	5
II. Ментол	9
III. Ириса	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юлия До

Последний машинист

I. Гусь

– Демон! Демо-о-он! Он смотрит на нас! Смо-о-отрит!

Люди начали оглядываться на старика в костюме. У него был портфель в руках. Респиратор беспомощно валялся под ногами.

– Он смотрит на всех! Следит, совращает! Это всё он! Он! Он! Он! – И тычет пальцем в небо.

– Старик, это просто туча, – пытается образумить его прохожий. Не видит, что уже поздно.

– Это глаз демона! Он пробрался туда, на Не-е-е-ебо! Мы все умрем, нас покарают! Пока-раю-ю-ю-ют!

Минуты через три подъехала белая машина. Санитары подняли с колен старика, вкололи ему что-то. Увезли.

Очередной фанатик. В последнее время их становится всё больше.

Ляле было пятнадцать, когда началась эпидемия. Она помнила, как всё было. Как в новостях начали говорить о новом вирусе, от которого нет лекарства. Тогда никто не осознавал серьезность происходящего. Обсуждали на кухнях, винили во всём правительство. Но никто не думал, до чего может дойти. Массовые смерти, голод, падение экономики, войны. Мир изменился до неузнаваемости. Ляля часто вспоминала свое детство и не могла понять, правда ли тогда всё было проще, чем сейчас, или это искаженность детского восприятия. Возможно, и тогда было плохо. Но сейчас хуже, Ляля так считала.

За спиной зашуршали ботинки по сухому газону и веточкам. С нелепыми задержками.

– Привет, Гусь.

– Жаль, не удалось подкрасться. Что рисуешь?

Гусь был старше, но глупее. Он любил дурачиться. Ляля считала дурачество кошунством; люди умирали. Весь мир сошел с ума. Раньше Ляля любила кривляться, забавно пищать и передразнивать телевизор; раньше Лялю звали не Лялей, и город ее назывался по-другому, и страна. Ляля жила в Громоре; в год Всеобщего Переименования ее родной город получил такое название. Громор – провинция Корории. Сперва эти названия казались абсурдной шуткой, но люди привыкли.

– Разве не видно? – устало спросила Ляля, отходя от мольберта, оценивая свою работу и давая Гусю оценить ее.

– Что-то очень красивое, – Гусь довольно расплылся своей неумной улыбкой.

– Выкрутился. Молодец.

Для справки, это был не пейзаж. Три глаза на одном лице без левого уха. Убожество. Оригинальность. Авторство. Три гласных. УОА. Уоа. Уоа. Как звуки, издаваемые гориллой. Как они называются? Рев? Крик? Точно не карканье.

Отец заставляет Лялю рисовать в парке, хотя знает, что дома она будет переделывать; она впустую тратит дорогую краску. Он говорит, нужно, чтоб все видели, что Ляля работает. В ПОХ особенно. Быть членом ПОХ почетно (хоть Гусь и смеется, когда слышит это словосочетание: «член ПОХ»). И жизненно необходимо.

Не так давно от одного только предположения, что своими художествами и бездарными записочками Ляля будет обеспечивать всю семью, у ее отца случился бы приступ. Приступ, в общем-то, с ним и случился; поэтому Ляля зарабатывала. Отец был человеком рабочим, не

понимающим искусство. А тут такое. В период всеобщей бедности и нараставшей ужасающими темпами безработицы Ляля потугами искусства содержала семью. Она вступила в ПОХ (Партия Объединенных Художников) в шестнадцать лет и в ПОП (Партия Объединенных Поэтов) – в семнадцать. Эти организации заняли лидирующие позиции. Треть профессий вымерла; половину рабочих заменили машинами. Только художники и поэты были незаменимы. Правительство Верховного Правителя Тенора щедро спонсировало их. Верховный Правитель Тенор был убежден, что искусстники (похоже на «искусники») удержат человечество над пропастью деградации. А если нет: либо второе поколение Homo sapiens, либо инопланетная раса увидят творения Нашей эры и поймут, насколько хорош был человек когда-то.

– Помочь собрать краски? – спросил Гусь и потянулся к вещам. – Может, отнести мольберт?

– Нет! Не трогай! Мне нужно работать. Как я их, по-твоему, спиртом потом обработаю?

– Знаешь, тебе стоит относиться к этому чуточку проще.

– К чему? К здоровью? К жизни моей? К жизни родителей? К чему именно, Гусь?

Гусь потупился.

– Многие уже не соблюдают.

– И умирают. Или заражают других. И тогда они уже умирают.

Спорить не стал. Знает, не переспорить.

Гусь был последним машинистом. Раньше Ляле это прозвание казалось очень романтичным. Раньше она вздыхала: «Ах, мой последний машинист!» Ляля поморщилась. Гусь работал на железной дороге. Он, что очевидно, был машинистом. С приходом эпидемии поезда встали. Туризм был запрещен законом, для деловых людей хватило одного экспресса. Его вел Гусь. Последний машинист последнего пассажирского поезда Корории. Поезд Громор – Двомор. Как же нелепо это звучит...

Грузы возили новые модели. У них не было зада и переда. Шесть поездов с огромной скоростью ездили туда-сюда; каждый по своим рельсам. Как сломанные детские машинки или механизм какой-то странной бесполезной машины (бесполезной, если не вдуматься).

– Я долго думал над этой шуткой и...

– Не сомневаюсь.

Гусь не понял. Они сидели на скамейке. Была осень. Ляля не смотрела на Гуся.

– В чем не сомневаешься, Ляша?

– В том, что долго думал. И я просила не называть меня так.

– Тебе же нравилось это прозвище...

– Нет. Оно мне никогда не нравилось. Сначала оно вызывало смущение, теперь – раздражение. Не называй меня так. Говори свою шутку, а то уже четыре часа, мне пора домой.

Добавка о позднем часе не смягчила грубость сказанного. Возможно, Ляля и не хотела ее смягчать. В последнее время ей доставляло удовольствие говорить Гусю грубости и колкости; он их не замечал и не понимал.

Гусь встрепенулся, почесал затылок; защитная маска не скрывала, что он смеялся и от этого не мог начать говорить. Глаза Ляли совершили круиз к верхним векам.

– Видела ведь механические поезда? – спросил он, квакая от смеха.

– ММ-1-А? Да, видела. И что?

– Они ходят туда-сюда. Видела? Туда-сюда? И через туннели тоже туда-сюда. Видела?

Гусь исходил слюной и хрюкал от недержания смеха.

– Видела. И что?

– Я назвал их «сексуальными».

И начал хохотать. Ляля выждала. Дала Гусю просмеяться.

– Эта вся шутка? – спросила Ляля.

– Ну да, – Гусь удивился, что Ляле не понравилась шутка, решил, что она просто не поняла, и повторил, двигая правой рукой туда-сюда в кольце левого локтя. – Ну, сексуальный поезд. Туда-сюда.

И заржал. Ляля не любила это выражение, но Гусь ржал. «Какой же у него тупой смех», – подумала Ляля, тяжело вздыхая.

Бывает такое, что человек раздражает другого человека, ничего для этого не делая. Гусь был хорошим парнем и хорошо относился к Ляле. Гусь даже любил Лялю; по крайней мере, он так говорил. Ляля не считала, что человек с таким низким интеллектом способен на высокие чувства вообще. Ляля презирала Гуся и презирала себя за это.

– Ты сегодня какая-то грустная, – заметил Гусь. – Расстроилась, что картина не получилась?

Ляля дернулась. Такого вопроса она не ожидала.

– А что не так с картиной? – возмутилась Ляля.

Ей самой картина не нравилась, но это было ее мнение. Он не имел права судить ее искусство, он слишком слабоумен для этого. Нам всегда неприятно слышать правду, даже если знаем ее. Когда человек говорит: «Я не справился!» – он ждет утешений и уверений в обратном, а не: «Да, это так, ты не справился».

– Она явно не удалась. Ты так быстро собрала краски, накричала на меня. Да и ты явно обсчиталась, глаз должно быть два, а не три, глупенькая, – и добродушно хохотнул. Знает, что у Ляли были проблемы со счетом в школе. Она просто не могла удерживать цифры в голове.

– Третий глаз – это глаз души, символ ума и просветления, – проскрипела Ляля. Ее трясло от обиды. – Но что ты знаешь об уме? Ничего! Безмозглое, тупое животное с тупыми шуточками!

Ее пробило на писк. Ляля подпрыгнула со скамейки, на которой они сидели, и кричала, прыска слюной; целый водопад стекал ей на подбородок, по стенкам защитной маски.

Однажды у них уже случался спор из-за картины. Полтора года назад. Учредители ПОХ выпросили у Правительства Тенора здание для выставочного зала. Главным экспонатом был пейзаж Ла-Паса Столичного – минималистичный постпостмодернизм. Это были яркие домики под облачным небом. Простовато, наивно, оптимистично. Ляля выпросила билет для Гуся. Что он сказал? «Неплохо». Неплохо! Кумир, идол современного искусства – неплохо!

Тогда Ляля решила, что Гусь – приверженец *классического* искусства. Но он считал Микеланджело хозяином пиццерии на пятой улице.

Развенчание образа – так это называла Ляля. При первой их встрече Гусь умудрился произвести необычайно сильное впечатление на Лялю. Она считала его умнейшим и остроумнейшим человеком. Он не понимал ее шутки – она считала глупой себя и мечтала набраться мудрости у Гуся; он говорил несвязные вещи – она искала связи во всем; он говорил очевидную чушь – она видела в этой чуши тайные смыслы и символы. И так далее, и так далее, и так далее. Когда Ляля осознала, насколько она ошиблась, ей стало гадко. Гадко на душе оттого, что она считала кретина гением.

Ляля встала, уверенно сунула раскладной мольберт под мышку, закинула сумку с красками на плечо, подцепила пальцами подрамник «неудавшейся» картины.

– Мы больше не увидимся, Гусь.

– Это из-за того, что я сказал?

– Да.

– Прости, я... – Он опешил, если он знал, что значит «опешить». – Я не знал, что третий глаз...

– Глаз здесь ни при чем, Гусь. Спасибо тебе за всё. Прости, что потратила твое время. Мы больше не увидимся. Прощай.

Слова сказались сами собой. Ляля много раз проговаривала их по ночам и прокручивала в голове днем, когда видела Гуся. Почему она раньше не сказала их? Она боялась. Боялась остаться одна; боялась, что больше никто не полюбит ее; боялась, что Бог накажет ее за такое отношение и Ляля умрет совсем одна, сожалея о расставании с Гусем. Ляля боялась, что Гусь окажется умным; что это она на самом деле глупая, а он – гений, и все вокруг понимают это, смеются над ней и недоумевают, что Великий Гусь нашел в ней. Она боялась услышать за спиной ехидные шепотки: «Наконец маэстро бросил эту дуреху! Она же ничего не понимает и считает себя умнее всех! И краситься она не умеет. А вы чуете, как неприятно от нее пахнет? А эта одежда, фу! И что маэстро нашел в ней?»

Ляля сделала семь шагов, а шепотков не было слышно.

Сколько еще это терпеть? И зачем? Ляля порой представляла, что было бы, если бы Гусь женился на ней, они прожили бы вместе десять лет и породили на свет таких же глупых Гусят Гусевичей. И тогда Ляле пришлось бы бежать, спешно бросая не только влюбленного постаревшего Гуся, но и собственных дитяток. А рано или поздно Ляля сбежала бы. Так зачем оттягивать и делать несчастными сиротами двоих-троих Гусят?

Ляля много думала. Гусь всегда советовал ей «быть проще». Гусь не пошел за ней, даже на прощание ничего не крикнул. Он молча сидел, пытаясь понять, что произошло.

II. Ментол

С каждым днем в парке всё меньше живых. Только деревья живые и распиленные, слепленные в редкие скамейки возле жухлых клумб. Люди перестали видеть какой-либо смысл в беспечной прогулке на свежем воздухе в респираторах. В открытые (во всех смыслах) лица уже не помотришь; не пообнимаешься с партнером за деревом или с самим деревом, если партнера нет. Дорожки размечены на маршруты, чтобы никто, не дай бог, не столкнулся, что может привести к излишним соприкосновениям, охам и заражениям.

В парке могло находиться не больше тринадцати человек. По бесплатному пропуску можно пройти раз в неделю. Члены ПОП и ПОХ ограничений не имели. Им нужно вдохновение. Ментол, что-то навроде старосты в группе, выпросил эти самые разрешения. Он долго бегал по всем Семи департаментам, пока в последнем из них не устроил скандал по причине того, что он, именитейший поэт, бегаёт тут, рискуя здоровьем и блестящим умом, который, быть может, прославит нацию!

Ментол был человеком тяжелым; очень, очень высоким и очень, очень толстым. Но умным, с мясистым носом и голубыми глазами.

Он, как и Ляля, предпочитал «стандартные» респираторы. Темная маска-щиток с дугообразным краем, плотно облипающим нос и скулы, синие фильтры по бокам. Некоторые делали маски на заказ, передавая ими свой неповторимый стиль или вроде того. Ментол и Ляля не заморачивались. Какой смысл?

– А ты, Ляля, не работаешь, – так он поздоровался.

Ляля сидела на скамейке а-ля визави, только из грубого дерева и с перегородкой. На ней неделю назад она попрощалась с Гусем раз и навсегда.

Ментол сел. Дерево под ним жалостливо скрипнуло.

– Мне нужно вдохновение, – тихо сказала Ляля. У нее были волосы до пояса, но она собирала их в тугий пучок и носила специальную сетку для волос, чтобы не занести заразы в дом. – Зачем мне неограниченный пропуск, если я не могу вдохновляться?

– Ты можешь вдохновляться сколько душе угодно. Важно, чтоб это помогало. А тебе, видать, не помогает, раз ты на три дня задерживаешь сдачу. Ты подводишь меня. Сегодня уже среда, Ляля.

– Знаю.

Ментол тяжело вздохнул. Из-за избыточного веса и массивного подбородка ему всегда было тяжело дышать, но в этом вздохе были и озабоченность, и беспокойство, и усталость, и что-то еще.

– Если бы Скворец из Пятого так не любил твои картины, я бы погнал тебя уже давно.

– Знаю.

От этого ее «знаю» Ментолу еще больше хотелось ворчать и поучать.

– Я всё понимаю, ты там и здесь, и пока ты справлялась, но сейчас либо бери себя в руки и работай, либо я выгоню тебя. Ляля, – он погрозил мягким пальцем, похожим на сосиску, – я вышвырну тебя из ПОП, клянусь тебе.

– Знаю.

Он помолчал, смотря на прохожих. Раньше, сидя вот так вот в парке, можно было черпать и черпать вдохновение. Находить интересные образы. «Списывать людей». Шел-шел человек – и вот, он на бумаге. Сейчас все люди безлики. И есть только три типажа: кто соблюдает, кто не соблюдает и кто не выдержал (то бишь фанатики). Ментол раньше не соблюдал. Потом его жена заразилась и умерла. А потом сестра и мать. Предположительно, они заразились как раз на похоронах Ментоловой жены.

Ляля сидела с сигаретой. Она давно потухла, так и не разгоревшись толком. Ляля не затягивалась, не давала живительный импульс. Она не снимала маску. Лялины пальцы дрожали; колено под локтем дергалось вверх-вниз; посади на него ребенка – он прыгал бы по кочкам, задорнее некуда; но на Лялиных коленях не было ребенка.

Ляля изредка подносила сигарету к лицу, к респиратору.

– Зачем ты это делаешь? – нервно спросил Ментол.

– Когда мне было пятнадцать, я втайне от мамы мечтала, что когда-нибудь начну курить, стану загадочной дамой с опаловым мундштуком, – Ляля усмехнулась. – Да, было время. Но началась эпидемия. Карантин. На улице я не могу снять респиратор, а дома – мама со слабыми легкими. Вот и сижу тут. Как дура.

– Ну почему сразу «как дура»? Я бы сказал, как загадочная дама, но, цык, – он цыкнул языком, – без мундштука. Хочешь, на день рождения подарю?

Ляля благодарно улыбнулась. Она несколько дней не могла заставить себя улыбнуться. Слишком устала. Опять бессонница.

– Не стоит, Ментол. Спасибо.

Ляля выбросила не пожившую и нормально не умершую сигарету.

Для Ляли важно было знать, что она *может* закурить. Что у нее есть сигареты. Она умеет пользоваться зажигалкой и прятать сигареты от мамы. Она готова. Если сейчас по радио объявят: «Вирус не страшен!!! Снимайте маски!» – Ляля тут же закурит. Иногда возможность (даже сугубо гипотетичная) совершения действия стократ ценнее, чем само это действие. Ляля грезилась о табаке. И у нее был табак. Это успокаивало. Даже если она никогда в жизни его не попробует. Или попробует, и он не понравится. Или понравится, она будет курить и умрет от рака легких. Возможность действия и иллюзия добровольного выбора.

– Я пожалею о том, что спросил, но всё-таки спрошу, – начал Ментол и прочистил горло. – Как там Гусь поживает?

– При чем здесь Гусь? – огрызнулась Ляля.

– Я знаю тебя семь лет, Ляля. И ты никогда не отлыниваешь от работы. А сейчас ты делаешь именно это, ты занимаешься не чем иным, как отлыниванием. Либо кто-то у тебя умер (а это не так, я звонил твоей матери), либо что-то с Гусем. Так что у вас там?

– Мы больше не увидимся.

Ментол закрыл глаза, одиннадцать секунд думал.

– Инициатор?

– Я.

– Почему?

– Наша встреча была ошибкой.

– Все вы так говорите.

– Правда, наша встреча была ошибкой. Я приняла его за другого.

Ментол поднял бровь. Забавно наблюдать за тем, как, за неимением челюсти, вся мимика мигрировала на лоб.

– Помнишь тот вечер у Совы? В честь пятилетия ПОП?

– Помню, – Ментол поморщился. Он не понимал, чем отличаются «вечера» от «партийных собраний», если нет закусок. А закусок быть не могло. Чтобы есть, нужно снять маску, а снимать ее запрещено. Некоторые производители додумались до специального клапана для трубочки, чтобы пить. Но есть публично уже невозможно.

– Ты тогда пригласил Пагубу, помнишь?

– Припоминаю... – Ментол поморщился еще больше (можно сказать, сморщился). – Да, вспомнил. Я бегал за ним сорок дней, а он повесился точь-в-точь в день выступления. Гаденыш.

– Да-да, я про него. Но тогда мы не знали, что Пагуба повесился, и ждали его. Вернее, гадали, пришел он или его ждать, все же в масках, все незнакомые.

– К чему ты клонишь?

– Мята написала элегию о поезде, едущем сквозь время, помнишь?

Ментол сморщился уже, как поевший лимона. Он недолюбливал Мятю, а Мята недолюбливала его. Мята считала, что Ментол украл ее стиль, украл его грубо и неумело, сделав его более жестким и мужицким. Ментол в ответ на клевету написал весьма колкий фельетон о бедняке, который отравился листом мяты. Оскорбленная Мята закатила скандал, хотя всегда была миролюбивой и добродушной.

Мята была влюблена в Ментола последние шесть лет, но он не знал этого. Сначала Ментол был слишком крут и недоступен, потом женат, потом убит горем вдовства.

– Мята – поэтесса, которая любит точность, – продолжала Ляля. – Ей нужны были всякие термины, уточнения и проч. С этим ей, за скромную плату, помог Гусь. В благодарность (сверх денежной платы) она дала ему приглашение на выступление Пагубы.

– Ты приняла его за Пагубу? – Ментол подпрыгнул. Сел. Подумал. Расхохотался. – Он же тупой, как пробка, хоть я и не люблю это выражение. Но он тупой, как пробка, Ляля. И тупее мало кто может быть. Возможно, морская губка. Или кухонная. – Он хохотнул. – Как тебя угораздило, Ляля? Пагуба же умный красавчик-аристократ, а Гусь...

– Того же роста и брюнет.

– Ну да. Спутала аристократичную утонченную щуплость с голодной рабочей худобой – бывает со всеми. Ну подошла ты к нему, а дальше-то как? Он же говорил, да? Если да, то я не понимаю, как ты ничего не заподозрила.

– Я слышала, Пагуба саркастичный и харизматичный.

Ляля улыбнулась, поводя плечами.

– У Гуся смех как у косатки, Ляля.

– Знаю.

Ляля помрачнела, задумалась.

– А почему он Гусь вообще? – спросил с любопытством Ментол. – Почему так назвался? Ты не спрашивала?

– В детстве его цапнул гусь за ляжку, хотя не за ляжку, там выше и не сзади, в общем, не хочу говорить об этом.

– Гм, а ведь это объясняет его противный смех.

Ляля прыснула. Ментол поддержал. Они долго смеялись, чем вызывали недопонимание у мрачных редких прохожих. Сейчас все мрачные.

– А почему ты Ментол? – спросила Ляля, просмеявшись.

– Моя бабуля обожала ментоловые карамельки. Я их в детстве как-то попробовал, так чуть не задохнулся, – Ментол улыбнулся воспоминаниям. – Это от нее у меня такое брюшко, – похлопал себя по свитеру. – И ей я посвятил свое первое стихотворение. Да... А ты почему Ляля? И почему подписываешься уменьшительным «Лялька»? Ляля красивее же.

– Потому что я маленькое слабое существо, которое ничего не может. Я вижу всё, что происходит вокруг меня, но ничего не могу сделать. Могу только плакать и звать мамочку, чтобы она помогла мне. Я хочу есть и пить, но не могу сама себя накормить. Я хочу ходить, но не чувствую земли под ногами. Порой мне кажется, что я даже не могу поднять собственную голову, чтобы посмотреть на свое слабое тельце.

– Угу. А я назвался в честь бабулиной конфетки.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

Удивительно, как быстро человек способен забыться. И привыкнуть. Зараженные массово умирают в мучениях, их тела сжигают и пепел утилизируют, чтобы избежать распространения заразы; люди потеряли веру и в Бога, и в Человека, а в такие нелегкие времена жизненно необходимо во что-то верить. Фанатиков становится всё больше.

Никто не знает, откуда взялось такое название для безумцев. Ведь это убежденные атеисты, которые, идя обычным днем по улице, видят что-то такое (в любом силуэте – на облаке, тени от дерева, собаке, опавшем листе), от чего они сходят с ума. Фанатиков всё больше.

А Ментол и Ляля смеялись. И многие в эту самую минуту смеялись, веселились, занимались любовью. Возможно, где-то родился ребенок. Удивительно, как быстро человек приспособляется.

– Знаешь, – начала Ляля, – Эрнест Хемингуэй писал: «Продаются детские ботиночки. Неношеные». Это не выходит у меня из головы третьи сутки. Это же несколько слов, а столько боли...

– А что больного-то?

Ляля удивилась.

– Ребенок умер.

– С чего ты взяла?

– Отец купил ботинки, но его ребенок умер или вообще не родился. И убитый горем отец продает вещи мертвого дитя. В этом, по-твоему, нет боли?

– Или же в счастливой семье два любящих родителя воспитали вредину, которой не понравились те ботинки, которые ей купили. И теперь эти ботинки надо продать, чтобы купить казюлечке-вреднюлечке новые. С моей сестрой так было постоянно, – Ментол сжал кулаки. Разжал. – И зачем во всём сразу искать трагедию?

Ляля задумалась, не ответила.

Всё началось в школе. На уроке музыки. Да, нелогично. Лялин класс получил необычное для музыкального предмета задание. Небольшая предыстория этого задания: не любящая детей учительница, страдающая от приливов, устала от тех звуков, которые «эти умирающие лебеди» из 4 «А» пытались выдать за пение. Она придумала задание интересное и, самое главное, дарующее тишину (вернее, ограниченные шумы корпящего над заданием класса: шуршание бумаги, падение карандаша, перешептывание, нудайсписание и т. п.). Задание было таким: напишите, что вы представляете, слушая этот марш. Они послушали марш. И Лялю понесло. Она написала о заплутавшем отряде грибочков в рыжих шапках (она написала «шапках», а не «шляпках», потому что всегда считала, что шляпки у грибов больше похожи на шапки, а не шляпки). Отряд грибов в рыжих шапках (!) заблудился в разросшейся траве, когда маршировал навстречу процессии Его Величества Короля Леса. И так живенько всё это описала Ляля, что получила лучшую оценку в классе. Четверку. Для Ляли это была настоящая радость. Мама и папа гордились ею. То – Лялин первый литературный успех. Дебют – и сразу триумф. В тот день Ляля поняла, что хочет писать.

Спустя много лет, страдая от творческого (да и личностного) кризиса, Ляля пыталась вспомнить, что именно тогда написала и что именно перед этим послушала. Она помнила, то был марш. Она помнила жирнобокую, но очень мелкую, в углу страницы, четверку. Помнила кухню, когда родители хвалили. Помнила, как представляла марш грибов. Она помнила, что ей удалось написать лучшее в классе сочинение. Но не помнила главного. Она не помнила, *как* ей удалось написать это.

Ее сочинение поместили в школьную стенгазету. Его даже отметили на заседании школьного литературного кружка. На нем было, правда, всего четыре человека. Четыре человека обсуждали четверку четвероклассницы (четыре Ч). Руководила собранием Цапля (тогда ее звали не так, но это не имеет значения). Цапля тогда училась в старших классах. Цапля – сестра Ментола; и когда он набирал команду ПОП, она вспомнила о милой девочке с косичками и ее сочинении.

Ляля получила место в ПОП (никто не приписывает «е» на конце) благодаря детскому сочинению. Благодаря тридцати трем словам (в семь простых предложений). Ляля считала нечестным, что получила место так. Но спорить не стала; не в том положении была. Ляле нужны

были деньги (ПОП щедро платит) и слава. Ляля хотела славы. Хотя понимала, что славы не заслужила. Та маленькая девочка, что писала о грибочках, была другим человеком. Ее даже звали по-другому. Та талантливая, заслуживающая почетного места в Партии Объединенных Поэтов девочка была другим человеком – другим человеком, за которого приняли Лялю.

«У тебя синдром самозванца, – как-то сказал ей Ментол. – Но ты заслужила то, что имеешь. Насчет большего не знаю. Но пока – ты на своем месте». Но Ляля не чувствовала себя на месте. Иногда. А иногда чувствовала. Иногда она была уверена, что Судьбой (Предназначением, Роком или как еще назвать) Партия Объединенных Поэтов была создана только для того, чтобы Ляля вступила в нее.

– Прости, что подвожу, – сказала Ляля. – Ты же знаешь, я ответственная. Я всё напишу, всё сдам. Мне нужно немного времени, вот и всё.

– Творческий кризис?

– Не знаю... Такого со мной раньше не было. Раньше моим главным страхом был дефицит идей. Сейчас – и идеи вроде как есть, но писать не могу. Не хочу снова хоронить своих детищ.

– Меня не было три дня, Ляля, а ты успела забеременеть, выносить, родить и похоронить, – Ментол одобрительно кивал, почесывая подбородок, – быстро ты, мать, быстро. Работала бы с такой же скоростью, цены бы тебе не было.

Ляля смотрела на него. Сарказм, благодарность, обидулька, дружба, ненависть, уважение – глаза.

– Продолжай.

– Спасибо, – Ляля подождала, не скажет ли чего Ментол. Не сказал. Продолжила: – Я устала хоронить персонажей. Они мне как дети, Ментол, ты сам пишешь, ты понимаешь меня. Я – их мать. Я вынашиваю их, я пишу (то бишь рожаю) их. У меня бывали выкидыши. Когда я начинала продумывать и бросала героев на уровне задумки. Я делала аборт, когда ты говорил, что не время для экспериментов, у нас делегаты из столицы, проверка. Не всех их я вынашиваю девять месяцев, но всё же. Я возвращаю их, воспитываю – дорабатываю, корректирую. С каждым словом, с каждым готовым предложением я чувствую, что и сама расту. Чувствую. Что я бесполезна. Что я делаю что-то. А потом, когда понимаю, что они, мои идеи, мои герои, мои дети, прекрасны и зрелы, – убиваю. Отрываю от сердца навсегда. И забываю. Самое ужасное – я забываю. Ставлю точку за последним словом – и всё, прощай. Иногда я достаю журналы, листаю вырезки со старыми работами и дивлюсь, что это мое. Что я когда-то писала это. Что я когда-то *жила* этим. То, что попадает в печать, – уже не мое. Это Партии. Но не мое. Я будто продаю своих детей чужим людям ради обеспеченной жизни.

Ментол молчал. Он оперся на локти. И слушал. С усталыми глазами.

– Что-нибудь скажешь?

Ментол покряхтел.

– Мде, Ляля. Так ты и меня загонишь в депрессию. Или чего хуже – кризис. В депрессии писать можно. В кризисе – нет. Будь чуть проще, Ляля. Твои персонажи не у цыган, а в надежных руках. Они – достояния громорского искусства.

– Быть проще... Так всегда говорил Гусь.

Ляля хотела создать что-то великое. Ляля чувствовала, что в ней есть потенциал. Во время смуты, потерянности и безоружности перед *неординарным* такие, как Ляля, прославляются. Такие, как Рафаэль, могут себе позволить быть признанными гениями в любое время (ведь они и есть гении в любое время), таким, как Ляля, нужен случай, нужна стратегия. Порой Ляля считала себя бездарностью. Порой грезилась о почетном месте в школьных учебниках. И местом этим была не надпись: «Училка – дура!», а важнейшая (желательно: огромнейшая, восхваляющая) глава; хотя на малюсенький параграф Ляля бы тоже согласилась.

– Ты знаешь моностих Брюсова? – спросила Ляля. – «О закрой свои бледные ноги». Его-то глубину ты не посмеешь отрицать. Я же знаю, ты обожаешь Брюсова. Это одна строчка,

но смысла в ней в миллион раз больше, чем во всех сборниках ПОП. Большинство критиков говорит о словах Иуды. Я думаю о несчастной любви, которая приносит одни лишь страдания. О греховной связи, измене. Сомнениях. Пять слов (и одно из них – буква) – а сколько мысли! ПОП и не снилось такое.

– Мы хоть что-то делаем. Хватаемся за искусство, чтобы вытащить из глубокой ямы быт, – Ментол крикнул, тяжело поднимаясь. Немного прошелся, зацепив руки за спиной. – Конечно, мы не классики, но и обстановочка похуже стала, кхе-кхе. – Полная дама отскочила от его тучного тела на газон. – Кто знает, возможно, через много-много лет наши потомки будут читать наши стихи и говорить, что мы гении. Находить смысл, которого нет. Мы станем причиной распрей литературоведов и полем для чернильных усов в школьных учебниках.

– От этого еще страшнее.

– Возможно.

«Интересно: я начала этот разговор, чтобы убедить себя в том, что беседа с умным человеком приятнее, чем с глупым, или я просто хочу говорить? Что если я обманываю себя, стараясь оправдать необдуманный поступок?» – думала Ляля. Мысли давались с болью. Все мысли проходили болезненно. Ее тошнило.

Ляля была некрасивой. И, что называется, «несвежей». Респиратор скрывал утонченные черты лица; волосы были прижаты старческой защитной сеткой (которая больше походила на безвкусный чепец). Глаза Ляли потускнели. Желтоватый лоб и мешки под глазами старили.

– Ляля, сколько тебе лет? – вдруг спросил Ментол, живенько плюхаясь на перекладину между сиденьями скамьи. Ляля только сейчас заметила, что они похожи на детские качели, которые, в свою очередь, похожи на игрушечные весы.

– Неожиданный вопрос.

Ляля вжалась в спинку скамьи. Ей было непривычно, что Ментол сидел так близко (на расстоянии вытянутой руки, всего одной!).

– Я вдруг понял, что тебе тридцати нет. Я прав? Цифру можешь не называть, только скажи, прав я или нет. Я ведь прав?

Ляля кивнула. Медленно, внимательно следя за каждой складкой Ментолова лба.

– Я думал, тебе сорок, – честно сказал Ментол.

– На комплимент не похоже.

– А это не он, Ляля. Я думал, тебе сорок. Ты плохо выглядишь. Не обижайся, – быстро добавил он. – Ты пишешь о болезнях и одиночестве...

– Сейчас эпидемия, и мне одиноко.

– А я пишу о лете, детстве и лесном Чуде-юде. А мне взаправду сорок.

– Тебе сорок три, – поправила Ляля.

– А тебе?

– Двадцать два.

Ментол встал, походил, сел на скамейку. Он был слишком широк для сиденья-коробочки. Либо пальто не влезало, либо бока выпирали из декоративных деревянных щелей.

– Может, возьмешь отгул? – спросил он и тут же возразил себе: – Нет, конечно, нет. Тебя выгонят. Я сам тебя выгоню. Отгул она захотела, – он цыкнул с возмущением. Задумался. – Может, стоит выбрать что-то одно? Либо ПОП, либо ПОХ. Выбирай ПОП, подниму жалованье.

– Я не собираюсь выбирать.

– Рано или поздно придется. Нельзя развить два таланта. Возможно, можно. Но не тебе. Не усидишь на двух стульях. Ты не выдержишь, прости за правду.

Ментол встал. Хотел попрощаться, но ушел, ничего не сказав. Он дважды обернулся и, предположительно (маска на лице сдвинулась), открыл рот, чтоб сказать-таки что-нибудь. Но он ничего не сказал.

Ляля не выдержала, побежала за Ментолом.

– Ментол! Ментол, подожди!

Ментол встал, подождал.

– Я ведь правильно поступила? – с мольбой спросила запыхавшаяся Ляля. Глаза у нее были мокрыми.

Ментол не стал переспрашивать, о чем она говорила. Он догадался.

– Да. Конечно.

– Спасибо, – всхлипнула Ляля. – Мне нужно было это услышать.

Вдалеке залаяла большая черная собака. Ментол уже ушел. Хозяин сдерживал пса, хватаясь обеими руками за ошейник и оттаскивая его от упавшего обмочившегося фанатика.

– Демо-о-о-о-он! – кричал он. – Демо-о-о-он!

Пес не переставал лаять. Фанатиков становится всё больше.

III. Ириса

Старуха упала. И начала вопить жалостливым тоненьким голоском: «Больно! Больно! Ай-ай-ай! Больно-то как, больно!»

Ляля единственная не побежала ей на помощь. Весь автобус повскакивал со своих мест (одиночных, на расстоянии половины вытянутого человека среднего роста, который можно выдать за высокий; автобусы из-за такой рассадки приходилось строить трехэтажными, жутко медленными и неповоротливыми), чтобы помочь стонущему комку жалости к себе и жажды внимания.

Как-то раз Лялин отец упал. Не привык тогда к протезу. Он не издал ни звука, кроме единичного оха, переросшего в нецензурное слово. Он шел навстречу Ляле, выходящей из магазина. Ляля стояла еще под козырьком, когда отец кряхтел в луже, когда молодой парень, его девица и дамочка с коляской начали поднимать его. Когда Ляля добежала до отца, он уже стоял, отряхнутый, прибодренный и в веселом расположении духа. Он всем говорил «спасибо!», по привычке протягивал руку.

Старуха ни разу не сказала «спасибо»: ни когда ее целой толпой поднимали, ни когда ее целой толпой жалели и утешали. Она ни разу не сказала «спасибо».

Ну вот, ее посадили. Все вернулись на свои места, запыхавшиеся, довольные. Чувствовали себя героями. Через остановку дама в пыльной дубленке; дама, которая всегда знает, что правильно; дама, которую хочется назвать «бабища» и ударить, чтобы она упала и больно треснулась о поручни, – такая вот дама обратилась к Ляле, пискляво-язвительно-мразно: «Вы, милочка, могли бы и помочь, а то сидите, молодая, помогать не хотите. Сами состаритесь, вам тоже помогать не будут!»

И так зло и устало посмотрела на нее Ляля, что дама отшатнулась. «Ну давай же, грохнись, поскользнись», – зло прошипела Ляля (респиратор поглотил ее голос, дама не услышала) и представила. Женщина сглотнула.

– Простите, я же не знала, – пролепетала она, косясь на круги под Лялиными глазами, на желтый лоб. – Вы... вы выздоравливайте! Х-хорошего денечка!

– Денечка, – фыркнула Ляля и отвернулась.

Ляля никогда не любила автобусы. И раньше в них были гадкие толпищи, вызывающие мысли о насилии. Но мысли эти оставались неосуществленными. И неудовлетворение и расстроенная жажда зрелища снесли остатки положительного. Так было до принятия Закона об увечьях. Однажды Ляля ехала в автобусе – в автобусе старого типа, с парными сиденьями. Ляля сидела в «каретке» – две пары сидений друг напротив друга. У окна сидел мальчик без маски. С жестяной банкой газировки. Он пил и облизывал банку. Облизывал свои губы и снова банку. Лялю чуть не вырвало. Она сидела и думала: «Ударить бы его лицом о стекло и вылить на голову газировку». Не успела она додумать, как иссохший мужчина с впалыми глазами подошел к мальчику. Подошел степенно. Постоял с минуту, сверля его взглядом. Тот даже не заметил – продолжал пить и облизывать банку. Мать его заерзала. Она захотела пересесть, встала, потянув сына за рукав, тем самым освобождая путь мужчине. Она, сама того не понимая, дала ему зеленый свет. Мужчина схватил мальчишку за шиворот и бил о стекло, пока то не стало красным и не пошло трещинами. Мать визжала, по-видимому, в шоке, и ничего не делала, очевидно, из-за шока. Малец был так ошарашен, что почти не сопротивлялся. Банку он выронил. Газировка испачкала юбку Ляле, которая вжалась в сиденье. Она, к своему удивлению, не испугалась. Ей нравилось то, что она видела. Когда мужчина выпустил шею мальчика, он с невозмутимым видом достал бумажник и отсчитал двенадцать рурий и передал Ляле: «За юбку. Извините». Вытер руки об куртку лежащего. Постоял у раздвижных прозрачных дверей три минуты в полном молчании и вышел на своей остановке. А женщина всё скулила, обнимая

красную кучку, и скулила. Только придя домой и всё рассказав отцу, Ляля узнала, что был принят Закон об увечьях, согласно которому людям, не носящим защитные маски и респираторы в общественных местах, дозволено наносить увечья, главное, чтоб при этом было минимум три свидетеля, которые, в случае чего, подтвердят в суде, что потерпевший действительно был без защитной маски и заслужил наказание. Удивительно жестокое и эффективное решение проблемы. Количество людей без масок снизилось на семьдесят три процента. И у людей появился способ легально вымещать скопившуюся злобу на ком-то. С тех пор Ляля не снимала маску вне дома и с особым трепетом садилась в автобус.

Вообще каждый выход на улицу сделался волнительным. Четырежды Ляля попадала на избиение. Однажды она была свидетелем в Третьем департаменте. Она подписывалась под словами: «Я, Лялька, свидетельствую, что гражданин Кусок находился в общественном месте без защитной маски и подвергал опасности заражения добропорядочных граждан-прохожих. Граждане Коса, Бугор, Скалка, Менорис и Газель выполняли свой гражданский долг, когда наносили увечья гражданину Куску. Я свидетельствую. Свидетельствую». Они избили его до полусмерти. Разбили лицо так, что его невозможно было узнать. Ляля шла домой вечером, после планерки ПОХ. Крики о помощи привлекли ее слух и заманили на темную сторону улицы. Это было у дороги. Коса и Бугор держали пищащее тело Куска. Менорис бил его с пристрастием. Газель, дама Скалки, пила пиво и снимала на камеру. Скалка, их предводитель, курил и читал речь. О том, что насилие – последняя открытая дверь. Лишь через нее мы можем выбраться из темной тесноты болезни и безумия. Он много говорил. Потом заметил Лялю. Она смотрела на них, широко открыв глаза, прижимая сумку с продуктами к сердцу. Так она надеялась унять его бурное биение. Скалка был высоким и худым. У него было лицо цвета опилок. И желто-рыжие сальные волосы. Он прервал свою речь, когда заметил Лялю. Сделал два шага к ней.

– На помощь звать не будешь? – хрипло спросил он.

– Зачем? Это правосудие Нового времени.

Скалка усмехнулся. Дал Ляле свой номер. Сказал, когда подъехать в Третий департамент, чтобы подписаться. И разрешил смотреть. Они долго его били.

Ляля всё думала, не испытает ли она чувство нестерпимой вины, когда увидит в Третьем департаменте избитого Куска. Не испытала. Ее мысли заняли покраска ресниц и наложение теней на веки, чтобы быть ухоженной Газели. Газель – дама Скалки.

Ляля всё подписала.

Таких, как Скалка, становится всё больше. И рано или поздно им надоест поджидать людей без масок. Они сами начнут срывать их.

Жила Ляля в большом доме в обеспеченном районе. В таких районах люди могли позволить обработку. Ляля расставила руки перед сканером. Прошла. Обрызгали. Вызвала лифт. Консьержка трижды назвала ее по имени и спросила: «Сорок вторая же, да?» – но Ляля сделала вид, что не слышит. Она и не слушала.

Отца дома не было, опять ушел на реку. Пугать уток и вспоминать молодость.

Мама взяла сумки, начала обработку. Ляля сняла заразную одежду, повесила в заразный шкаф. Умыла лицо, руки, волосы, шею, ключицы. Надела домашнее. И снова: лицо, руки, волосы, шея, ключицы.

Ляля заперлась в ванной.

Ляля была некрасивой. Похожей на собачонку средних размеров с вытянутой мордой, мягким влажным носом и малюсенькой челюстью. Только собачонка такая – миленькое создание, которое тискают, откармливают вкусняшками и просто обожают. Ляля не была милой.

Усталые тусклые глаза, облепленные темными веками и мешками под глазами.

– Я что, действительно так плохо выгляжу? – удивилась Ляля, трогая серые щеки. Как будто она только сейчас взгляделась в отражение в мутноватом зеркале. В это тоскливое тусклое (две Т) отражение.

Ляля не была серой. Обычно про таких людей почему-то говорят «серый». Но в Ляле сочеталось много цветов: серый, желтый, коричневый, немного черный (ресницы) и иногда красный (если треснет губа или заусенец совершит самоубийство, зацепившись за шарф, простыню, свитер и т. д.). Но во все эти цвета был добавлен серый (даже в сам серый). Ляля даже одевалась в серое.

Отражение волновалось, нервно хватало себя за лицо. Дергаными руками сорвало заколки, растормошило слежавшиеся под сеткой волосы. Как назло, мылась три дня назад. Опять отключали воду. Промасленные гадкие корни стояли торчмя. Концы двоились, троились; были похожи на предательских кальмаров с тонюсенькими щупальцами.

– Я что, действительно так плохо выгляжу? – повторила Ляля, подходя в упор к зеркалу. От лоснящегося носа остался след. – Так плохо?

«А он любил тебя и такой», – стрельнуло в голову. Ляля дернулась, как от удара током. Выбежала из ванной. В детской (уже стародевичьей) наткнулась на фотографию. В деревянной рамочке. Ляля в синем платье с завитыми локонами. Улыбается. На щеках румянец. Ляля с криком бросила рамку на пол. Стекло разлетелось.

На шум прибежала (вернее, пришаркалась, последние два года она только так передвигалась) мама. Ляля лежала на кровати; не могла успокоить сердцебиение и настроить дыхание.

– Я всё уберу, – сказала Ляля, смотря в потолок. Потолок никогда не был ей так мил. В нем не было отражений, в отличие от дверцы шкафа, вазы, окна и, непосредственно, зеркала. – Я всё уберу, только полежу немного.

Мама куталась в шаль. Она всегда носила шаль.

– У тебя что-то случилось? – спросила мама. Она беспокоилась.

– Да что может случиться? В моей жизни ничего не случается, – Ляля тихо усмехнулась.

– Я всё уберу, только полежу немного. А ты иди, а то на стекло наступишь еще.

Мама хотела что-то сказать, но зазвонил телефон. Шарканье удалилось вдоль по коридору.

Ляля встала. С тоской заметила тень в окне. В окне Ляля видела бок балкона. Облупленный такой и висящий своей облупленной кормой в воздухе.

На балконе стояла коробка (и много чего еще, но Ляля думала о коробке). Ее прислала Ириса ко дню рождения. Теперь все подарки так дарили – за две недели до праздника. Коробка прошла стадию обработки в отправочном пункте, потом в ответственных руках Лялиной мамы. Сначала коробка отлеживалась в транспортировочной упаковке, теперь без упаковки. После завтра Ляля наконец разорвет праздничную упаковку и узнает, что внутри.

Вернулась мама. Сказала, что звонит Ириса.

Как кстати.

Ляля, лавируя между осколками, выбежала в коридор. Разговоры с Ирисой всегда поднимают настроение.

– Ты не поверишь, что со мной сегодня произошло! – протараторила трубка, когда Ляля поднесла ее к уху. Стоит, наверное, отметить, что человечество распрощалось с мобильной любовницей и вернулось к стационарной жене. Новые модели не выдержали постоянных обработок спиртом и специальными растворами.

– И тебе привет, – с улыбкой (друзья и по интонации могут понять, что человек на том конце провода улыбается), но не скрывая «намека», ответила Ляля. – А я как раз о тебе вспоминала.

– Ты не поверишь, что со мной сегодня произошло, Ляля-я-я! – повторила требовательно трубка. Она требовала, чтобы ее спросили, что же такое интересное и необычное сегодня произошло!

– И что сегодня произошло? – послушно спросила Ляля, садясь на подлокотник папиного кресла.

– Со мной говорил Верховный Правитель Тенор! – провизжала Ириса. От громкости восклицания Ляля отвела трубку от уха, а от его содержания встала.

Верховный Правитель Тенор, как можно понять по званию, был главным человеком в государстве. Не хочется вешать на правительство доброй страны Корории ярлыки «деспотизм», «тирания», «пред-конец-светное общество» и т. д. Поэтому скажем только, что Верховный Правитель Тенор был очень уважаемым и влиятельным лицом. Поначалу многие его называли тираном-коротышкой, выскочкой, Падуком Вторым; особые остреды советовали подбрить с концов усы – советовали, разумеется, шепотом на кухнях, вслух никто бы такое не осмелился сказать даже в начале избирательного срока. Ляля видела Тенора только по телевизору. И, будучи ознакомленной с примитивными фокусами монтажа и операторской работы, догадывалась, что Верховный Правитель был настолько низким, насколько шутили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.